https://doi.org/10.34680/visant-2020-439-450

УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК РЕСУРС МОДНОГО ОБРАЗА МЫСЛИ

В. В. Петренко
Национальный исследовательский Томский государственный госуниверситет, Россия
vptomsk@mail.ru

В статье обозначена проблематика, отражающая сущностные черты городской культуры постсовременности. Поставлен вопрос о горожанине как агенте повседневного опыта и носителе урбанистического умонастроения посттрадиционного типа. Автор рассматривает механизмы, способствующие конструированию и сохранению самодостаточной городской идентичности в условиях нарастания отчуждающих урбанистических эффектов. Тематизирован феномен «модного городского сознания» в связи с университетским образовательным и профессиональным нарративом. Предметом обсуждения стали переоценка и переструктурирование свободного времени, которое всё более осознаётся как самостоятельная ценность, поступившая в распоряжение жителя метрополии. Под вопрос поставлено взаимодействие индивида и общества в жёстком рациональном режиме *гегемонии/подчинения, включённости/исключённости, производства/потребления*. В статье представлена альтернативная точка зрения на современного горожанина как воплощение *номадического* способа освоения городского пространства и создателя *своей собственной истории*, результатом чего становится новая конфигурация индивидуальной и социальной онтологии, возникающей в пересечении аффективных горизонтов само- и мирополагания. Методологическим основанием исследования выступили феноменологический, социально-философский, лингвофилософский горизонты анализа, а также принципы «городского исследования».

Ключевые слова: город, повседневность, М. де Серто, городской субъект, университет, модное сознание.

UNIVERSITY LIFESTYLE AS A RESOURCE OF FASHIONABLE THOUGHT

Valeriya Petrenko
National Research Tomsk State University, Russia
vptomsk@mail.ru

The article outlines the problems that reflect the essential features of the urban culture of postmodernity. The author raises the question about a city dweller as an agent of everyday experience and the carrier of the urbanistic mentality of the post-traditional type. The article describes the mechanisms contributing to the design and preservation of a self-sufficient urban identity in the context of increasing alienating urbanistic effects and the phe-

nomenon of educational and professional narrative, connected with urbanistic mentality of the post-traditional identity conditions. The subject of discussion is the revaluation and restructuring of free time, which is increasingly being recognized as independent value, that has come at the disposal of a resident of the metropolis. The discussed question is about the interaction of individual and society in a strict rational regime of *hegemony/submission, inclusion/exclusivity, production/consumption*. The author presents an alternative point of view on the modern city dweller as the embodiment of the *nomadic* way of developing urban space and the creator of *his own history*, which results in a new configuration of the individual and social ontology from the intersection of the affective horizons of self- and world-understanding position. The methodological basis of the study appears in phenomenological, socio-philosophical, linguistic and philosophical horizons of analysis, and in the principles of "urban studies".

Keywords: city, everyday life, M. de Certeau, urban subject, university, fashion conscious.

Городская культура и образ мысли, связанный с ней, находятся в тесной зависимости. Методология их анализа призвана быть гибкой. Она включает различные подходы к изучению как: а) предметности самого города в единстве его структурно-функциональных составляющих, так и б) городского жителя в качестве выразителя специфического урбанистского умонастроения и носителя посттрадиционалистского взгляда на мир. Этот взгляд – в гораздо большей степени, чем «выключенный» из городского режима восприятия – подвержен *моде* и должен рассматриваться как меняющийся, подвижный горизонт представления, оценки и самопозиционирования. Его формируют многочисленные – типические для городского способа существования – социокультурные практики, впитавшие достижения современного урбанизма. В особенности показательны те аспекты городской культуры и «городской социальности», что конститутивным образом поддерживают проект постсовременности и сформированы в опоре на социокультурные институты и целые индустрии, ответственные за продвижение и упрочивание посттрадиционных – принадлежащих проекту Модерна – ценностей. Среди них следует выделить *университетский образовательный и профессиональный нарратив*. Именно в этом горизонте анализа может быть поставлен вопрос об агенте повседневного опыта как субъекте-носителе городского образа жизни и мысли. Последнее осуществимо в пересечении феноменологии, социальной теории, методологии urban studies и современной философии языка.

«Городские исследования» (urban studies) принадлежат той области тематизаций, которая в границах общего академического поля отнесена к анализу феномена повседневности в его различных проявлениях. Модусы возможного теоретического описания в общих чертах отражают эволюцию самого концепта «урбанизма», который Э. Гидденс и Ф. Саттон [Гидденс, Саттон 2018] рассматривают как выразительное завоевание социологической мысли, начало которой датируется последними десятилетиями XIX века. Их резюмирующая работа «Основные понятия в социологии» ориен-

тирует читателя на актуальную социологическую повестку и прямо вводит урбанистическую проблематику в регистр знаковых для социального теоретика тем, задающих фокус исследований в эпоху победившего модернити со всеми «плюсами» и «минусами» настоящего момента. При этом авторы настаивают: «Более поздние направления в исследованиях города обнаружили непрерывную реструктуризацию пространства городской среды» [Гидденс, Саттон 2018, 103]. По их мнению, это связано преимущественно с интересами бизнеса и собственности, где игроками выступают макроэкономические и макрополитические властные инстанции. Однако, рискнём предположить, осторожная формулировка – «сегодня урбанизм может быть гораздо более разнообразным, чем это допускалось его ранними теоретиками» [Гидденс, Саттон 2018, 105] – набирает силу в части оценки тех социальных и/или культурных кластеров и зон влияния, что прежде находились в тени или прямо не попадают в разряд общественных институтов, открыто демонстрирующих политические интенции.

Сравнивая различные парадигмы анализа и отдавая должное интуициям пионеров «городских исследований» (прежде всего, представителям Чикагской социологической школы изучения города Э. Бёрджессу, Л. Вирту, Р. Паку), Э. Гидденс и Ф. Саттон подчёркивают, что их идея «вторичных контактов», на которых держатся разного рода мобильности городского способа существования и динамика разнообразных социальных дифференциаций, не потеряла своего значения. Добавим – с ней вполне солидарны и современные исследователи [см., например, Вирт 2018; Митчелл 2012]. А вот вопросы: а) оценки и грамотного распределения форм досуга и в целом *свободного времени*, высвободившегося в результате кратно увеличивающейся анонимности «вторичных контактов» и «слабых социальных связей» городского типа, б) игры различных режимов культурной и социальной вовлечённости в структуру «сильных» городских зависимостей, функционирующих как жёсткий городской фрейм, а также в) сюжеты, связанные с диалектикой *индивидуального* и *общественного* сосуществования, всё ещё остаются нерешёнными. Более того, напряжённость в их сбалансированном решении только нарастает.

Исторические трансформации «урбанистической повестки» ожидаемы и неизбежны. Они обусловлены внешними вызовами общемировоззренческого и общекультурного, политического, экономического, финансового толка. В отдельный кластер занесены противостояния религиозного, гендерного, экологического порядка. Общий тренд, свидетелями которого мы являемся, состоит в том, что само понятие «город» подвержено методическому размыванию и бесконечному передефинированию. И это несмотря на торжество «количественных показателей»: эмпирически доступность «больших чисел» применительно к городскому способу жизнеустройства (современная городская среда неотделима от её масштабных изменений), казалось бы, ориентирует нас на более отчётливое схватывание «городских сущностей». На деле город, ассоциированный со всё более неподконтрольным проживанием довлеющих себе масс людей, демонстрирует такие метаморфозы повседневного жизненного уклада, которые рождают дополнительные трудности при его анализе.

Принимая в расчёт интересующий нас аспект, имеет смысл связать логику городского исследования с тезисом Г. Зиммеля о своеобразном трансфере актуальных социокультурных форм, в которых осуществляется разнообразная коммуникация городского типа, в самостоятельные и «превращённые» – как правило, отчуждённые от субъекта – единицы обмена [см., например, Зиммель 2014]. Эта зиммелевская догадка была высоко оценена Ю. Хабермасом [Хабермас 2014, 545]. В ней отчётливо видны следы раннепозитивистского – по большей части *марксистского* – влияния, которое испытала мысль Г. Зиммеля периода «Философии денег». Однако для Г. Зиммеля «город» с его анонимной, принудительным образом навязывающей субъекту свой порядок существования инфраструктурой – не просто квинтэссенция изначально иного, не «традиционно-общинного» способа коммунального жизненного уклада. Г. Зиммель усматривает в нём конституирующую, формообразующую силу для порождения принципиально нового гештальта «переживания» субъектом городской культуры самого себя в предлагаемых обстоятельствах. Фактически речь идёт о разработке новой типологии сознания, субъектом-носителем которого выступит агент городского образа жизни, испытавший на себе все прелести и риски скученного, «искусственного», высокотехнологичного проживания-рядом-с-себе-подобными. Уже в первом приближении платой за него становится утрата спонтанной чувственности. За ней следует притупление естественной способности к налаживанию непротиворечивой *природо-* и *человеко*размерности, гарантированной «естественному субъекту» близостью к нему природного ландшафта. Г. Зиммель постулирует, что отныне и навсегда житель большого города – это невротик, вынужденный поступиться «нерефлексированной» эмоциональностью в целях минимизации психологических и эмоциональных трат и удержания собственной индивидуальности. Каковы же новые механизмы, способствующие конструированию и сохранению самодостаточной городской идентичности в условиях нарастания отчуждающих урбанистических эффектов?

Программный в этом отношении текст Г. Зиммеля «Большие города и духовная жизнь» [Зиммель 2002] рисует нам убедительную картину выбора в пользу холодного, рассудочного способа существования индивида, поставленного в условия стремительного ритма городской жизни с её пестротой, необязательностью и в то же время бескомпромиссностью её проявлений в отношении человеческого чувства и индивидуального побуждения. «Рассудочность» в такой постановке вопроса – не столько сознательное приращение рефлексивности как привилегированной установки просвещённого сознания субъекта посттрадиционалистского типа, сколько бессознательный выбор в пользу своеобразной «математики» и «экономики» *чувств*. Это обособившийся механизм *сдерживания* спонтанного проявления «естественной субъективности», её *приостановки* («вычитания») в ситуации избыточности перспектив как индивидуальной, так и общественной воли. Такой механизм конструирования городской идентичности на выходе рождает особого индивида – ему обеспечена необходимая дистанция для принятия наиболее эффективного решения в ситуации почти неограниченных возможностей, которые дарит нам городская циви-

лизация. Только так, по мнению Г. Зиммеля, можно добиться эффекта адаптации к условиям отчуждающего городского сообщества.

На первый взгляд, субъект, ориентированный исключительно прагматистски и сугубо инструменталистски – подлинное завоевание *«счётно-расчётного»* способа обращения с миром и с себе подобными, когда речь заходит о городской цивилизационной матрице. Но Г. Зиммель идёт дальше: он трактует эгологически прописанную «рассудочность» буржуазного образца как *экзистенциальный аналог* всеобщего денежного эквивалента, на котором держится обмен в пространстве социально-общезначимого, что характеризует капиталистическую форму жизнеустройства. В его терминологии, «объективный дух» в публичной сфере имеет неоспоримый перевес над «духом субъективным»: это целиком соответствует кристаллизации и закоснению социальной материи в обезличенных «всеобщих культурных (общественных) формах». Сюда попадают, в первую очередь, все властные общественные институты – государственные, религиозные, производительные, репрессивные и т. д. Они, как и деньги, демонстрируют характер всеобщности и действуют в отношении индивида универсальным и абстрактно-принудительным образом. Г. Зиммель не устаёт повторять, что это «... такая подавляющая масса кристаллизованного обезличенного духа, что перед ним личность, можно сказать, совсем бессильна» [Зиммель 2002, 11]. И именно здесь мы фиксируем решительный шаг в сторону от однозначно социологической и социально-философской интерпретации индивидуализированного субъективного намерения к *феноменологии* и типологии субъективности нового вида. В свою очередь, городской нарратив оказывается накрепко привязан к феноменологическому портрету жителя мегаполиса.

Можно сказать, что наряду с вышеобозначенными «всеобщими культурными формами» Г. Зиммель предлагает ещё одну. Она отражает тренд (NB: в английском языке *«trend» = «мода»*) на «индивидуализацию душевных качеств». Смысл этой новой «всеобщей формы», в отличие от прежних – традиционных, не унифицирующий, а, напротив, *узаконивающий различие*. Её предназначение, по словам Г. Зиммеля, «заключается уже не в содержании того или другого поведения, а только в его форме: в том, чтобы быть непохожим на других, чтобы выдвинуться и тем самым стать заметным» [Зиммель 2002, 10]. Такое «освобождение» субъекта само по себе становится трендом, особенно приметным на фоне всё более изощрённых и разветвлённых технологий городского контроля, пик которых мы наблюдаем в конце XX – начале XXI вв.

Таким образом, начав с констатации обстоятельства, согласно которому «техника жизни больших городов» демонстрирует *пресыщенность*: а) как эффект переизбытка возможностей, предоставляемых индивиду самим способом устройства «глобального» города, и б) как структуру его собственной душевной организации (то, что Г. Зиммель называет «бесчувственным равнодушием», и то, что на поверхности имеет непосредственное отношение к вопросам психической реактивности), мы обращаемся к горизонту *экзистенциального полагания*. В этом пункте позиция Г. Зиммеля заступает за границу социальной теории и заявляет о себе как феноменология, осуществляющая попытку описания такого модуса повседневного опыта, кото-

рый присущ только обитателю мегаполиса как носителю собственно *«городского сознания»*.

Категория «субъективного» изначально присутствует в описаниях *повседневного*. Субъект-носитель повседневного опыта, представленный типологически, свидетельствует от лица онтически гетерономного жизнемирного горизонта той или иной эпохи и / или той или иной культурной общности. Его метаморфозы позволяют отследить исторически изменчивые формы культурной и социальной ангажированности. Непосредственность в перцептивности, самодостоверность и самоочевидность способа восприятия и реактивности служат залогом своеобразной *экзистенциальной подлинности*: status quo «естественной установки присутствия» и здравого смысла обеспечивают полезную структурированность культурных и социальных накоплений. Э. Гуссерль и вслед за ним А. Шюц, описывая повседневный опыт в категориях интенциональности и интерсубъективности, подчёркивают, что субъективности, действующей в границах повседневного, принадлежит своя собственная «конечная область значений». Это прямо способствуют утверждению своего рода «позитивности», понятной «фреймированности» для субъекта его рутинного существования [см., например, Husserl 1954; Schütz 1969; Шюц 1988, 131]. Отсюда, кстати, берёт начало упрочивающая свои позиции у А. Шюца идея *множественности* миров «повседневного».

Сказанное следует дополнить постметафизическим принципом *исторического* понимания, сформировавшего альтернативную повестку о самом производстве субъективности: условие историзма позволяет отследить регулярный и обязательный сдвиг в онтическом обеспечении субъективных проявлений. Изменения в привычной системе каждодневных связей и отношений внутри макросоциальных образований и между людьми, сбой налаженной общественной прагматики и общественной семантики придаёт сложившемуся интерсубъективному горизонту каждый раз новую конфигурацию. При такой постановке вопроса отдельные значения горизонта-фона жизненного мира обособляются и локализуются как *вновь возникшие* или *вдруг ставшие актуальными* практики и коммуникации. Именно они сообщают какую-то новую структурную определённость привычному жизненному укладу. Думается, о них можно рассуждать в терминологии *«вошедших в моду»* форм и способов самопрезентации как индивидуального, так и общественного образа жизни и мысли. Не только в *социальном*, но и в *экзистенциальном* плане всё вышесказанное выводит на сцену нового персонажа. Он выступает от лица как новой социальной общности, так и нового – «не бывшего ранее» (Г. В. Ф. Гегель) – типа внутренней организации субъекта *миро-* и *само-* «ощущения» и «понимания».

Отчуждающий эффект *глобального* города требует от субъекта дополнительных, обслуживающих его «вот-бытие» компенсаторных механизмов защиты и приспособления. По этой причине «изобретение повседневности» в редакции Мишеля де Серто оборачивается поисками новой производительности, в том числе, самого этого субъекта, возможностей его видения, его восприятия и его памяти [Серто 2013]. Справедливым представляется комментарий А. Маркова, когда он – вслед за М. Фуко и М. де Серто – пере-

определяет городской нарратив, чья экспертиза теперь подчинена новым целям: «Необходимо не картографировать город, находя в нём точки проявления человеческих слабостей (бульвары, витрины, магазины), а, напротив, всякий раз *испытывать* (курсив мой. – *В. П.*) город, отыскивая в нём наиболее эффективно работающие механизмы, производящие смыслы и образы жизни» [Марков 2014, 135].

Испытание, которому подвергся городской способ существования в лице *университетской культуры* и *университетского образа жизни*, сводится к последовательному обсуждению вышеобозначенных вопросов, связанных: а) с посттрадиционалистским (при желании – *«постмодерным»*) урбанистическим умонастроением; б) с новым позиционированием агента городского повседневного опыта; в) с переоценкой и переструктурированием свободного времени, которое всё более осознаётся как самостоятельная ценность, поступившая в распоряжение городского жителя; г) с пересмотром режимов вовлечённости во внешний порядок городской жизни; д) с балансом индивидуального и общественного сосуществования; е) наконец, с тем *особенным модусом экзистенции*, который оказывается всё более востребованным и *мода* на который отчётливо маркирует этап городской культуры и городской цивилизации, идущий на смену крайнему формализму классических капиталистических схем, описывающих взаимодействия индивида и общества в рациональном режиме *гегемонии / подчинения, включённости / исключённости, производства / потребления*.

Когда М. де Серто пишет, что однажды «в прозрачный текст спланированного города вторгается город кочевой, город метафорический» [Серто 2008, 26], он фактически предлагает нам взглянуть на современного горожанина как воплощение *номадического взгляда* и создателя *своей собственной истории* жителя метрополии. Конечно, де Серто предпочитает говорить *о самом городе как субъекте универсальности и автономии*, что, однако, не мешает ему скорректировать жёстко отформатированную городскую идеологему за счёт явлений, изначально «вычеркнутых урбанистическим проектом». Речь идёт о явлениях неподконтрольности внутри собственно городской жизни, априори организованной, по мнению автора, в согласии с фукинианской идеей тотальной «паноптической власти».

Рассуждая о стратегии «повседневного изобретательного мошенничества», М. де Серто пишет: «Под покровом идеологизирующих город дискурсов множатся иные силы – они хитрят, ускользают, вступают в союзы; их трудно идентифицировать, понять, ухватить – поэтому они не поддаются управлению» [Серто 2008, 27]. Однако именно они создают альтернативную повестку, видимым образом меняют сложившийся и успевший закоснеть городской фрейм. Эти «иные силы» ищут и находят для себя приемлемые социальные ниши, хотя, на самом деле, в их лице мы имеем дело не с социальным, а с *экзистенциальным* порядком ускользания и неподконтрольности. Университетский способ профессионального и жизнемирного существования представляет вариант такого альтернативного жизненного проекта; он же формирует моду как актуальный запрос на востребованность и эффективность подобной «свободной формы» само- и жизнеполагания. Университетское сообщество и университетский образ жизни

предлагают субъекту нечто весьма ценное (рискну предположить, наиболее привлекательное в нынешних обстоятельствах). Речь опять же идёт об экзистенциальной и аффективной стороне дела. Наличие свободного времени как такового и относительно свободной темпоральной структурированности индивидуальной жизненной траектории служат им естественной предпосылкой.

Крайне важно, что современный Университет как обособившаяся социальная институция изначально втянут в процесс формирования самых разных идентичностей. Разумеется, их многое роднит: высокий образовательный ценз, определённый уровень приобретённых компетенций и профессиональных навыков, сложившаяся и легко опознаваемая культура общения. Однако более существенным является тот общий признак, что субъектов университетского сообщества по-настоящему объединяет вариативность и «частичность» их партикулярных горизонтов, в социальном плане представленных через весьма и весьма отличные друг от друга способы организации собственного личного пространства. Это разнообразие куда заметнее на фоне прочих социальных общностей и групп, не располагающих правом столь свободно распоряжаться собственным временем. Такая привычка свободного структурирования занятости и досуга естественным образом следует из интеллектуальной сосредоточенности на собственном исследовательском интересе, в подчинении чему находится периодизация и чередование трудовой деятельности и отдыха. Это обстоятельство не может не влиять на конфигурацию индивидуальной и социальной онтологии, возникающей в пересечении подобных горизонтов само- и мирополагания.

Конечно, социологически в такой привилегированный кластер попадает не только профессиональная страта, принадлежащая *университетской среде,* но и другие представители образованного класса: люди свободных профессий, фрилансеры самого широкого спектра, новоявленное сообщество просьюмеров. Все они демонстрируют признаки неформальности, «частичности», подчас хаотичности и спонтанности в структуре собственной субъективности, что создаёт общее впечатление лёгкости, раскованности, нонконформизма, проявляющихся как внешний стиль жизни. *Модный* разворот мысли в деле самопрезентации и самочувствия субъекта, объединяющего этот пёстрый перечень социальных типажей, демонстрирует энергию сопротивления, «исключённости» и новой политики потребления городского пространства.

Оригинальность позиции М. де Серто состоит в том, что он задаётся вопросом: «Какие пространственные практики реализуются в зоне действия машин по производству дисциплинарного поля?» [Серто 2008, 27]. И в результате экзистенциальный и аффективный разворот в теме городского субъекта оказывается представлен у него *лингвистически и феноменологически-пространственно*. М. де Серто обращается к прагматике языка, к его коммуникативной функции. Он решительно соединяет представление о высказывании – речевом акте – с географическим перемещением по городу, индивидуальным прокладыванием прогулочного маршрута, оборачивающегося «риторикой ходьбы». Формула, согласно которой «ходьба относится к городу так же, как речевой акт – к языку» [Там же, 28],

позволяет Серто проследить: а) «присвоение» городского пространства; б) его «разыгрывание»; и наконец, в) интенционирование этого пространства. И всё это осуществляет субъект, наделённый привилегией *свободного телесного и эмоционального распоряжения* собственным временем. В нашем случае эта свобода оплачена своеобразной унией «договорного обмена»: неотчуждаемый *экзистенциальный эскапизм*, позволяющий самостоятельно распоряжаться собственным «телесным» местонахождением, в обмен на вполне отчуждаемое (институализированное и формализованное) социальное инвестирование профессиональных навыков и компетенций.

«Пешеходно-речевой акт» у М. де Серто наделён тремя базовыми характеристиками: 1) импровизированностью, 2) дискретностью, 3) фатичностью [Серто 2008, 29]. Что касается первой, очевидно, реализовать *моду* на городское фланирование, связанное с эмоционально приподнятым переживанием вольного выбора маршрута, можно только обладая достаточным запасом свободного времени и / или скользящим графиком занятости. Её трудно воплотить в жизнь, когда маршрут передвижения по городу жёстко привязан к расписанию рабочего графика и места дислокации занятого наёмным трудом горожанина. Дискретность передвижения, которая внешне выглядит как капризность, необязательность направления движения, служит аналогом индивидуальному языку высказывания и самопрезентации. Фатичность же (Серто пишет о «фатических топосах» как эффектах самопозиционирования пешехода-фланёра) указывает на ритуализацию самобытного, индивидуализированного городского нарратива. Фатическая дискурсивная стратегия здесь – это подчёркнуто нарочитая поза, своеобразный *модный look,* выставленный на всеобщее обозрение, демонстрирующий сопротивление дискурсу-гегемону городской среды и призванный артикулировать собственный выбор в налаживании «диалога с городом».

Продолжая логику М. де Серто, можно предположить, что субъект «пешеходного высказывания» – как и любой другой субъект речи – говорит нечто, в первую очередь, о себе самом; что *модное* направление его мысли напрямую увязано с некоторыми модальностями его «передвижения-высказывания», которые распределены по трём блокам. Серто упоминает а) «алетическую», б) «эпистемическую» и в) «деонтическую» модальности [Серто 2008, 30]. Все они в конечном итоге призваны иллюстрировать тезис о претензии пешехода-интеллектуала на предельную самодеятельность и суверенность его обращения с Городом, на «испытание» последнего в режиме установления ненасильственного и равноправного диалога.

В этих же целях М. де Серто использует понятия *узуса* и *стиля*, ожидаемым образом соотнося первый с нормативной кодификацией, обслуживающей объективно сложившийся городской нарратив, а второй – с индивидуальными предпочтениями «потребителя городского пространства», также обнаруживающими себя на символическом уровне. Две риторические фигуры – *асиндетон* и *синекдоха* – связывают пешехода-фланёра с разбивкой городского ландшафта, позволяя ему чувствовать себя в отношении последнего максимально независимо. Так, с точки зрения «синекдоксического присвоения» городских топосов, продвинутый городской

житель не довольствуется общепринятыми обозначениями и наделяет город – в особенности свои любимые места в нём – интимными, только ему понятными сигнификациями, как раз отражающими ту самую «частичность» его собственного горизонта; зачастую это милые его сердцу места, связанные с отдельными эпизодами личной биографии. «Асиндетоническое присвоение» устанавливает новые – опять-таки игнорирующие общее – зависимости между хорошо известными, связанными на уровне городского узуса местами силы.

На уровне такого освоения городского пространства, по сути, каждый раз возникает новый город. Резюмируя происходящее, Серто прибегает к формуле Ж. Деррида о «блуждающей семантике» и так описывает эту символическую практику: «Благодаря фигурам пешеходной риторики технологическая система цельного и обобщающего пространства, с её пафосом единства и одновременности, замещается траекториями, чья структура подобна структуре мифа – если под «мифом» понимать дискурс, привязанный к индивидуальному существованию» [Серто 2008, 31]. В этом горизонте справедливо говорить о *личностной мифологии*, вырастающей на базе вольного обращения с генерализирующим и тотализирующим городским кодом. «Модное городское сознание» развёрнуто в сторону такого предрассудка, который открывает дорогу *воображаемому, семантически избыточному* и *игровому*.

В результате повседневность, вырастающая из пространственных практик «вольного» перемещения по городу, предлагает новую конфигурацию городской онтологии. Здесь рождается «вторичная реальность» городского сообщества, складывание которого подчинено не природному ландшафту, заставляющему обходить русло реки или естественную возвышенность; не генеральному плану городской застройки; не соображениям экономики, или экологии, или инфраструктурных выгод. Это реальность, отсылающая к новому интерсубъективному полю значений, возникающему в пересечении отдельных – вполне самостоятельных – мифологических горизонтов как перспектив индивидуализированной воли, испытывающих искушение взаимного притяжения и / или отталкивания. Здесь возникает сложная интенция поделиться своей собственной историей (как своим персональным аффектом) или, напротив, оставить её при себе. Образ мысли, нашедший выражение в игре оппозиций «своё» / «чужое» применительно к пространственному присвоению городских реалий в опоре на собственное переживание, делает саму эту интенцию *модной*, то есть актуальной и востребованной.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вирт 2018 – *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни / Пер. с англ. В. Николаева. Москва, 2018.

Гидденс, Саттон 2018 – *Гидденс Э., Саттон Ф.* Основные понятия в социологии / Пер. с англ. Е. Рождественской, С. Гавриленко. Москва, 2018.

Зиммель 2002 – *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь / Пер. с нем. // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 1–12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf (дата обращения: 10.08.2019).

Зиммель 2014 – *Зиммель Г.* Избранное. Созерцание жизни / Пер с нем. Москва, Санкт-Петербург, 2014.

Марков 2014 – *Марков А.* 1980: год рождения повседневности. Москва, 2014.

Митчелл 2012 – *Митчелл У. Дж.* Я++: Человек, город, сети / Пер. с англ. Д. Симановского. Москва, 2012.

Серто 2008 – *де Серто М.* По городу пешком / Пер. с франц. А. А. Космарского // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 2. С. 24–38.

Серто 2013 – *де Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. Санкт-Петербург, 2013.

Хабермас 2014 – *Хабермас Ю.* Зиммель как диагност времени / Пер. М. И. Левиной // Зиммель Г. Избранное. Созерцание жизни. Москва, Санкт-Петербург, 2014. С. 539–549.

Шюц 1988 – *Шюц А.* Структура повседневного мышления / Пер. с англ. Е. Д. Руткевич // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.

Husserl 1954 – *Husserl E.* Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendentale Phanomenologie // Husserliana. Band VI. Netherlands, 1954.

Schütz 1969 – *Schütz A.* The phenomenology of the social world. London, 1969.

REFERENCES

Certeau 2008 – de Certeau M. Marches dans la ville. Transl. into Russian by A. A. Kosmarsky. *Sociological Review*. 2008, Vol. 7 (2). P. 24–38.

Certeau 2013 – de Certeau M. L'Invention du quotidien. 1: Arts de faire. Transl. into Russian by D. Kalugin, N. Movnina. St. Petersburg, 2013.

Giddens, Sutton 2018 – Giddens A., Sutton Ph. W. Essential Concepts in Sociology. Transl. into Russian by E. Rozhdestvenskaya, S. Gavrilenko. Moscow, 2018.

Habermas 2014 – Habermas Yu. Simmel as a Diagnostician of Time. Transl. into Russian by M. I. Levina. *Simmel G. The Favorites. The View of Life*. Moscow, St. Petersburg, 2014. P. 539–549.

Husserl 1954 – Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendentale Phanomenologie. *Husserliana*. Band VI. Netherlands, 1954.

Markov 2014 – Markov A. 1980: Year of Birth of Everyday Life. Moscow, 2014. In Russian.

Mitchell 2012 – Mitchell W. J. Me++: The Cyborg Self and the Networked City. Transl. into Russian by D. Simanovskiy. Moscow, 2012.

Schütz 1969 – Schütz A. The Phenomenology of the Social World. London, 1969.

Schütz 1986 – Schütz A. The Structure of Everyday Thinking. Transl. into Russian by E. D. Rutkevich. *Sociological Studies*. 1988, 2. P. 129–137.

Simmel 2002 – Simmel G. Die Großstädte und das Geistesleben. Transl. into Russian. *Logos*. 2002, 3–4 (34). P. 1–12.

Simmel 2014 – Simmel G. The Favorites. The View of Life. Transl. into Russian. Moscow, St. Petersburg, 2014.

Wirth 2018 – Wirth L. Urbanism as a Way of Life. Transl. into Russian by V. Nikolaev. Moscow, 2018.

Валерия Владимировна Петренко
Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия.
Кандидат философских наук,
доцент кафедры онтологии, теории познания и социальной философии.
E-mail: vptomsk@mail.ru

Valeriya V. Petrenko
National Research Tomsk State University, Russia.
PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Ontology,
Theory of Knowledge and Social Philosophy.
E-mail: vptomsk@mail.ru